

Илья Салов

Охотничий двор

Рассказы охотника

Илья Салов

Охотничий двор

«Public Domain»

1909

Салов И. А.

Охотничий двор / И. А. Салов — «Public Domain»,
1909 — (Рассказы охотника)

«С освобождением крестьян сделался и Андриан вольной птицей. Но даже и воля не заглушила в нем страсти к охоте, напротив, он еще сильнее привязался к ней. Он перебивал почти во всех охотах и с особенным удовольствием вспоминал то блаженное время, когда он служил в охоте Лихачева под руководством идеала псарей знаменитого Василия Трифонова, когда-то купленного Лихачевым за три тысячи рублей. У Лихачева он пробыл несколько лет кряду, и, когда охота эта, подобно многим другим, исчезла с лица земли, Андриан поступил в кружок охотников и поселился в описываемом охотничьем дворе...»

Илья Александрович Салов

Охотничий двор

В предыдущем рассказе моем «Волки» я успел уже отчасти познакомить моих читателей с Андрианом, тем самым доезжачим, с которым ездил я в Девятовской лес подвывать волков. Спустя несколько дней после описанного мне довелось познакомиться с Андрианом еще короче. На этот раз я встретился с ним не в лесу, не в обществе подвытой стаи волков, не в роскошную лунную ночь, а в собственной его квартире, в кругу его семейной обстановки, среди псов и щенков, в том самом охотничьем дворе, в котором я тоже успел уже сказать вам несколько слов.

Дело было так.

Узнав о начавшемся пролете вальдшнепов, я отправился к г. Сапину, выпросил у него разрешение охотиться в его лесах, взял с собою одного из типографских наборщиков по имени Кондратия Кузьмича и часов в шесть утра был уже в лесу. Мы начали с монастырской рощи. Кондратий Кузьмич, знавший прекрасно места, рассказал мне обстоятельно, где именно держится вальдшнеп, посоветовал идти полугорьями и, столь же обстоятельно изложив передо мною и собственный свой маршрут, вежливо раскланялся, пожелал мне удачи и, крикнув своего Азора, отправился низами. Мы положили сойтись на сапинских дачах.

День был прелестный, тихий, солнечный и до того теплый, что я с головы до ног был одет в летний костюм. Лес был покрыт еще листьями, теми осенними, роскошными, пестрыми листьями, которые придают ему особенный живописный наряд. Я шел и восхищался этой картиной. Что за прелесть! Рядом с темной зеленью дуба трепещет и золотится пожелтевшей листвою своей стройная осинка, а рядом с нею, словно обгаренный кровью, могучий кряжистый Клен... То же самое и под ногами: возле побугревшего листа ландышей – изумрудная бархатная зелень мха, дикой мяты и тут же рядом несколько шляпок сочных, словно покрытых лаком, опенок. Точно крохотные зонтики, повыскакали они из земли, топырятся, пыжаты и словно напрашиваются в кузов...

Только что выбрался я на полугорье, как чуть не из-под ног выскочил русак. Точно сумасшедший, вылетел он, зашумел сухими листьями, бросился направо, метнулся налево и вдруг, поднявшись на задние лапы, принялся было смотреть на меня косыми глазами своими, но, увидав собаку, струсил и пустился без оглядки в самую кручъ горы. Долго еще побелевшая шкурка его мелькала в стволах деревьев, долго еще слышался шорох торопливой скачки его, наконец, завалившись за гору, он исчез. Здесь и там звенели резвые синички – это, кажется, единственные певуны осеннего леса, остальные или покинули его, или замолкли... Только стрекотали еще сороки и, перелетая с дерева на дерево, словно сплетничали между собою, словно ссорились, ругались, шумно хлопая своими крыльями и хвостами... Люблю я этот осенний лес!..

Достигнув полугорья, я послал вперед свою Лэди и пошел следом за нею. Часов пять проштался я по этим горам; сначала держался середины полугорья, но, не подняв ни единого вальдшнепа, принялся, как говорится, ходить зря, то спускаясь вниз, то взбираясь на самые макушки гор, но и эти маневры, кроме усталости, не принесли ничего... Я не видал ни единого вальдшнепа... Не слыша выстрелов и со стороны Кондратия Кузьмича, я заключил, что и он бродит так же безуспешно, как и я... Наконец, часам к 12 пополудни, усталый и измученный от продолжительной ходьбы, я добрался до того ущелья, по которому раскинуты сапинские дачи. Словно крошечный городок представился моему взгляду.

Но мне было уже не до созерцания красот пейзажа, мне хотелось посидеть, поесть и отдохнуть... Я спустился с горы и принялся звать Кондратия Кузьмича.

– Кондратий Кузьмич! – кричал я во все горло.

Но вместо Кондратия Кузьмича вылетели на меня несколько дворовых лохматых собак и с диким лаем набросились на меня.

– Кондратий Кузьмич! – кричал я. – Где вы? Ау! Год, гоп!..

Но ни мои "ау", ни мои "гоп-гопы" ничего не помогли. Кондратий Кузьмич словно в землю ушел. Собаки между тем окружили мою Лэди и принялись тормозить ее со всех сторон. Лай их далеко разносился по ущелью, раскатывался по горам, поднял целую стаю голубей, и, конечно, долго бы не справился я с этими озлобленными псами, если бы не вышел ко мне на помощь какой-то благообразный старик с длинною седою бородой, одетый в ваточное сак-пальто.

– Цыц! – крикнул он. – Цыц, вы, дьяволы!

Дьяволы мгновенно рассыпались в разные стороны, поворчали еще немного и затем расселись поодаль, посматривая на нас.

– Не вы ли г. Веселов? – спросил я.

Старин вежливо приподнял фуражку, вежливо раскланялся и отрекомендовался, что он действительно не кто иной, как Веселов – садовник сапинских дач.

– К вам есть записка от г. Сапина, – проговорил я, подавая письмо. – Он был так любезен, что разрешил мне охотиться в своих дачах.

– Очень приятно-с, – проговорил Веселов.

– Здесь на этих дачах я должен сойтись с другим охотником-товарищем. Скажите, не был здесь охотник в черном пиджаке, пуховой шляпе и с кожаной сумкой через плечо?

– Не видал-с! – проговорил Веселов. – Может быть, здесь, на дачах, нет ли его... Может быть, не сидит ли на какой-нибудь террасе или на каком-нибудь балконе... Посмотримте-с... может, и найдем-с...

Мы обошли все дачи: побывали в шахматной, переносной, павильонной, мониторе, облазили все башни, всё балконы, заглядывали под мосты, но, увы, Кондратия Кузьмича не было нигде. Наконец, забравшись на какую-то самую высокую башню, я, словно муэдзин, призывающий с минарета правоверных на молитву, принялся кричать во все стороны Кондратия Кузьмича. В силу подражания принялся за то же самое и г. Веселое.

– Кондратий Кузьмич! – кричал я с башни.

– Кондратий Кузьмич! – кричал Веселов.

Но, увы, крики наши пропадали даром. Их только повторяло эхо и, повторяя, словно смеялось над нами, словно передразнивало нас и, вдоволь насмеявшись, прятало звуки в темные ущелья...

Я сделал два выстрела, но и эти выстрелы так же, как и крики, были только повторены эхом и тем же порядком умолкли.

– Должно быть, нет-с! – проговорил Веселов и вслед за тем, как бы желая довершить свое одолжение, приложил обе ладони ко рту, откашлялся и, словно в трубу, прокричал благим матом:

– Кон-дра-тий Кузь-мич!

Кондратий Кузьмич! – повторило эхо раза два-три, и все замерло.

– Нет-с, – успокоил меня Веселов.

Делать было нечего. Взывания к правоверному остались ни при чем, и минарет пришлось покидать. Досаднее всего было то, что Кондратий Кузьмич обязательно взялся носить на себе мою сумку с провизией, там, в сумке этой, находились все мои съестные припасы, как-то: бутылка портвейну, сыр, икра, белый хлеб и даже запас папирос и сигар. Что было делать? Возвращаться в город не хотелось. Я порешил так: пройти ущелье вплоть до дачи г. Тендзя-гольского, закусить у него по знакомству, отдохнуть и затем, поднявшись на гору, идти по направлению к охотничьему двору. Так я и сделал. Я распростился с Веселовым, голос которого заметно охрип, и, крикнув свою Лэди, отправился в путь. Собаки снова было набросились

на меня, но ненадолго, ибо при первом же: "цыц!", вылетевшему из охрипших уст Веселова, они оставили меня в покое и разошлись по своим местам.

Однако утолить свой голод и жажду на дачах г. Тендзягольского мне не пришлось, ибо почтенный Юрий Антонович, как истый хлопотун, успел уже переселиться в город и все свои дачи забил наглухо досками. Мне только пришлось сорвать два-три уцелевших от мороза георгина, несколько цветков настурций, и с букетом этим отправился под гостеприимный кров Андриана.

Переход мой от сапинских дач до охотничьего двора был столь же удачен, как и предыдущий. Я не видал ничего, кроме одного ежа, тотчас же при виде меня свернувшегося в клубок. Лэди набросилась было на него, но тотчас же отскочила и принялась неистово лаять и визжать.

Наконец, часов в пять вечера я добрался до охотничьего двора. Первое, что бросилось мне в глаза, это Андриан, сидевший на завалинке. В одной руке у него было шило, в другой дратва, а между ущемленных коленок торчал кожаный ошейник.

– Здравствуйте, – проговорил он.

– Здравствуй.

– Охотились?

– Да.

– Где же дичь-то?

– Дичи нет.

– Попусту, значит, проходили?

– Попусту.

Я подсел к нему.

– Это что ты делаешь?

– Ошейник чиню... Намедни на Громиле лопнул.

И потом, как-то прищурившись, улыбнувшись и фыркнув носом, он глянул мне прямо в лицо и проговорил:

– А ведь проклятые-то опять пришли.

– Какие проклятые?

– Да волки-то... Два старика и переярок.

– Ты почему знаешь?

– Отзывались... как же не знать... Я сегодня ночью опять ездил...

– Ну что же?

– Ничего... выходили...

– Подывал?

– Ништо. Один-ат на ногу жалуется... мотри, зацепил кто-нибудь...

– И близко подходили? .

– Возле были... Один лобастый такой... полено здоровенное...

– Это что такое значит: полено?

– Нешто не знаете? – удивился Андриан.

Я притворился, что не знаю.

– А еще охотник! – крикнул он. – Известно – хвост! У волка хвост называется поленом, а у лисы трубой.

– Один ездил?

– Один...

– Уж они тебя разорвут когда-нибудь.

– Ну! зачем они разорвут...

– А что, – перебил я его, – есть мне очень хочется, с утра ничего не ел... Нельзя ли яичницу приготовить да самовар поставить?

– Что ж, ничего, это можно.

– Хозяйка твоя дома, что ли?

– Куда же ей деваться-то? Знамо, дома... бабье дело известно какое... ухват да наперсток с иглой...

– Так можно, значит?

– Известно, можно...

Андриан свернул дратву, свернул ошейник, сунул в карман шило и нырнул в калитку. Вслед за ним пошел и я.

Однако позвольте познакомить вас покороче с этим Андрианом.

С виду доезжачий Андриан был самый обыкновенный мужичишка: небольшого роста, невзрачный, с лицом, заросшим не то рыжими, не то желтоватыми волосами, с приплюснутым, постоянно лупившимся носом и какими-то светло-голубыми, словно рачьими, глазами. Он носил длинные волосы, подстриженные "в скобку", часто встряхивал ими и спереди имел вихор, весьма походивший на вычурно зачесанный тупей. Одевался Андриан тоже мужиком: носил красные рубахи с косым воротом и желтые верблюжьего сукна штаны, заправленные за голенища сапог. Словом, в нем не было ничего такого, что бы могло придать какую-нибудь то ни было типичность, какую бы то ни было особенность. Но все это было только с виду, в сущности же Андриан вовсе не походил на обыкновенного мужика. Он страстно любил собак, страстно любил охоту, знал поименно всех "господ охотников" не только Саратовской, но и соседних губерний и точно так же отлично помнил клички всех более или менее знаменитых собак, их родословную, цвет и отличительные их качества. Андриану было лет сорок пять с лишком. К кружку саратовских охотников он относился как-то не с особенным уважением: за охотников их не считал (может быть, потому, что кружок не имел борзых) и терпеть не мог немцев. Только к "лицам благородного сословия", как он называл дворян, он относился с видимым почтением, усматривая в них как бы отпрыски тех "господ", с которыми когда-то в старые годы возжался. Андриан как бы гордился этими "старыми годами", любил вспоминать о них, а о знаменитых охотах Столыпина, Мачеварионова, Лихачева, Каракозова и других говорил даже с каким-то упоением, захлебываясь, заливаясь и чуть не со слезами на глазах.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.